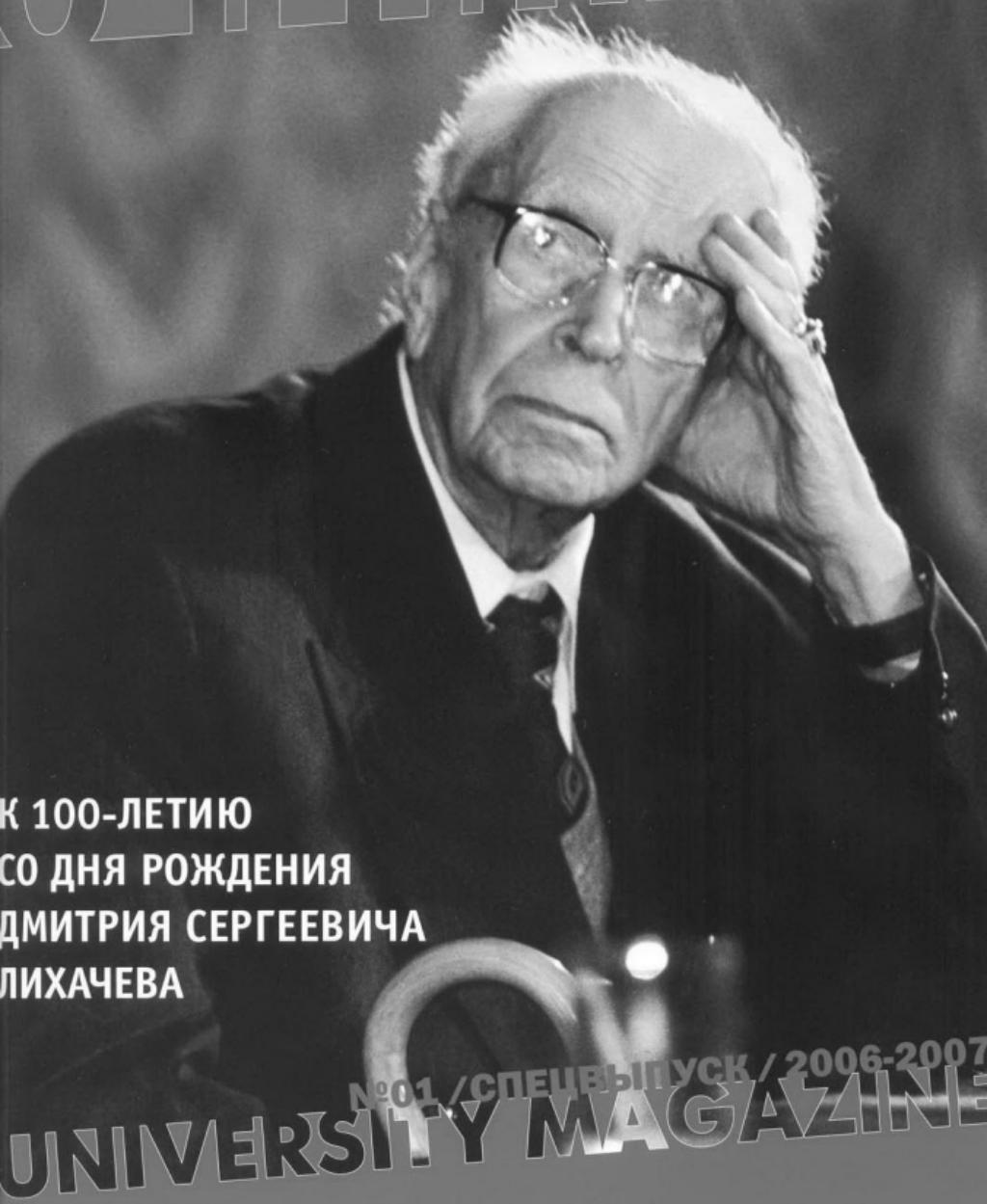

ДОЧЕНЬИ

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА
ЛИХАЧЕВА

№01 / СПЕЦВЫПУСК / 2006-2007
UNIVERSITY MAGAZINE

Рубин МИЛОНов:

«ЛИХАЧЕВ СТОЯЛ ГОРОЙ ЗА НЕФОРМАЛОВ»

Рубин Сергеевич Милонов – человек уникальный: партийный функционер, продвигавший молодое, авангардное искусство. Он был в гуще ленинградской культурной жизни 1970–1980-х годов, принимал участие в создании, по крайней мере, двух театров: Театра имени Ленинского комсомола (сейчас – Театр-фестиваль «Балтийский дом») и Молодежного театра на Фонтанке.

Академика Лихачева Рубин Сергеевич знал по совместной работе в Ленинградском отделении Фонда культуры, а также общался с ним в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, где Милонов одно время работал первым проректором.

КУЛЬТУРА НАШЕГО ГОРОДА

Первый вопрос задала не я, а Рубин Сергеевич:

– Ваши интересы – в какой сфере? Искусство или, может быть, производство?

– Большое искусство, культура.

– Это хорошо. Я культуру нашего города «перелопатил» собственными рученками. Сначала был секретарем обкома комсомола по культуре и спорту. Потом партия трясла профсоюзы, погнали председателя областного Совета профсоюза, многих замов и начали ставить новых людей. Так я попал в заведующие культурно-массовым отделом облсовпрофа. И все пионерские лагеря, 400 клубов, 800 библиотек оказались в моем хозяйстве. Года через два-три, увидев, сколько у меня лежит на столе планов мероприятий – в ответ на съезд, на постановление Политбюро, ВЦСПС, – понял, что погибаю (**смеется**). Тогда освободилась должность директора Дворца культуры имени Кирова, я со скандалом отпросился и ушел туда. 10–12 тысяч человек приходили во дворец каждый день. Работал себе счастливо. Но вот уходит из Театра Ленинского комсомола в БДТ Товстоногов, а вместе с ним – Басилашвили, Ле-

бедев, Доронина... Народ в «Ленком» ходить перестал – в зале на полторы тысячи мест сидели только на каждом третьем. Власти, конечно, стали решать, что делать с театром – руководства нет, режиссуры нет... И попались им под руку человек, который имел опыт работы и в обкоме комсомола, и в профсоюзах...

– Это были вы...

– Разумеется (**смеется**). Я значился директором, но, поскольку в Ленкоме не было главного режиссера, пришлось стать кем-то вроде художественного руководителя. Молодых актеров не было, играть молодых людей было некому, один Юля Панич у меня оставилась. И Сережа Довлатов завлитом. А больше никого. Поехал к Фурцевой – просить, чтобы разрешили набрать выпускников. Среди первых, кого я высмотрел на курсе Бориса Вульфовича Зона в Театральном институте, были Наташа Тенякова, Вита Костецкий, Володя Тыкке, Володя Смирнов, который потом уехал в Болгарию и там стал народным артистом... Начали придумывать спектакли, режиссеров приглашать. Чуть позже я уговорил Георгия Александровича Товстоногова, чтобы он отдал мне полкурса

Стр. 36.

* Р. С. Милонов

Стр. 37.

* Д. С. Лихачев. Обсуждение Декларации прав культуры. Дворец Белосельских-Белозерских.
10.04.1996

со «Зимой песней» вместе. Взяли мы тогда одиннадцать человек – среди них был Вадим Яковлев – с тремя режиссерами в придачу. Каждый из них, наверное, хотел быть главным, но мы с Товстоноговым решили посмотреть, чего каждый из них стоит. Это были Сандро Товстоногов, Володя Воробьев и Ефим Падве. Тут театр стал понемногу подниматься, зритель пошел, очреди в кассу выстроились, потому что появилась «Зимняя песня» – она кормила – и «Вестсайдская история». Уговорили Товстоногова возобновить «Униженных и оскорбленных». И пошло-поехало. Но никого из тех трех режиссеров назначить главным не удалось: они стали ссориться, раскалывать труппу на части... Тогда начал я присматриваться к Опоркову. Позвал его на постановку, первый спектакль – «Три мушкетера». Ира Бирюля художником была, Рехельс написал инсценировку. Спектакль живой был, смешной: у Рехельса же все на подибах было построено. За «Трех мушкетеров» и получил я свой первый выговор, но потом получил еще четыре: режиссеры ставят, надо же их защищать, а тем, кто принимал спектакли в комиссии горкома партии, – им не нравилось. Последний выго-

вор был за спектакль «С любимыми не расставайтесь».

– В мелкотемье обвиняли?

– Нет, не в этом дело. Во-первых, Володин, с которым мы дружили и жили друг напротив друга, – он на них действовал, как красная тряпка на быка. Потом, им не нравилось, что героиня Ларисы Малеванной там с ума сходила – советские люди с ума не сходят. Но выговор-то дали не столько за безыдейщину, о которой они, конечно, говорили, сколько за то, как мы протащили этот спектакль на сцену.

– И как?

– Представьте, завтра должна приехать городская комиссия, а мы накануне поздно вечером устраиваем просмотр. Полный зал, приходят все: критики, театралы... и на ура принимают спектакль. И вот в комиссии узнают, что сдача, по сути, уже состоялась и город воспринял ее как событие, но только без них. Разбирательство было, и Опорков не очень красиво повел себя: идет художественный совет, все нападают, пришлось отбиваться, а Опорков молчит. Струхнул, в общем. Рубен Агамирян тогда сказал ему: «Че сидишь? За тебя отдуваются, а ты си-

дишь...». После этого мой приятель, ректор Высшей профсоюзной школы культуры (так тогда Университет профсоюзов назывался), говорит мне: «Бросай ты свой театр – в театре-то все уже налажено. И создавай кафедру!». Это была первая в стране кафедра управления и экономики культуры в гуманитарном вузе. «Учись, – говорит, – слово "менеджмент" правильно произносить». Ну, я и пошел. Заведовал этой кафедрой девять лет, потом подумал, что могу остататься преподавать, но параллельно что-то другое делать. И начальник Главного управления культуры уговорил меня взять Молодежный театр на Фонтанке. Там еще режиссером Владимир Мальщицкий был. Мы немножко обустроились, спектакли сильные появились. Пять лет работал в Молодежном театре и продолжал преподавать. Когда вышел скандал у артистов с Мальщицким и он вынужден был уйти, я вспомнил про Ефима Падве. Мы очень хорошо работали с Ефимом, его спектакли – «Звучала музыка в саду», «Какая музыка была, какая музыка звучала» и другие – были интересны молодежи... да и взрослые к нам охотно заходили (**смеется**). А потом взяли и придумали сделать меня заместителем на-

чальника Главного управления культуры. Считали, что я вроде как прогрессист.

КУЛЬТУРА НАШЕЙ СТРАНЫ

— Переназначили меня из директоров Молодежного театра в 1985 году. Началась реструктуризация. Именно тогда придумали создать Советский фонд культуры. Инициатором была Раиса Максимовна Горбачева. Она знала о Дмитрии Сергеевиче, читала его книги. Они не были близко знакомы, но тем не менее она выбрала именно его на роль мэтра, духовного отца и председателя фонда. Дмитрий Сергеевич продолжал жить и работать здесь, заведовал отделом своей любимой древней литературы в Пушкинском Доме, а в Москву ездил только на заседания. Фонд-то был в Москве, и понадобились региональные отделения, в том числе и ленинградское. Председателем Ленинградского фонда культуры обком предложил избрать Андрея Андреевича Мыльникова, народного художника СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий: он был известным ретроградом, стало быть, для партийных деятелей очень удобным и послушным человеком. Мыльников занимался древним искусством, фресками, восглавлял кафедру в Академии художеств. А получил Андрей Андреевич Государственную премию за занавес в Кремлевском дворце съездов, на фоне которого все съезды партии проходили.

— Помню, с лучами...

— Дмитрию Сергеевичу это предложение обкома КПСС, конечно, не очень нравилось, потому что Мыльников, скажем мягко, не благоволил к современному искусству и его представителям. Лихачеву же был нужен человек более широких взглядов: он неформалистами занимался, поддерживал их. Когда зашла речь о первом заместителе Мыльникова, обком предложил секретариат горкома партии Татьяну Ивановну Жданову. Но тут Дмитрий Сергеевич взорвался: «Татьяну Ивановну не надо!». Он понимал, что вдвоем они его «задушат». С Мыльниковым-то он смирился, но два ретрограда в одном флангове — это перебор (**смеется**). Потом еще кого-то такого же предложили, я фамилии даже не помню, — этот тоже у Лихачева не прошел. А на следующий день — конференция, надеялись было срочно кого-то найти. Тогда «придумали» меня. Видимо, решили: хоть и «левак» Милонов и не всегда поддерживает тех, кого нужно, но все-таки из наших номенклатурных начальников. Разыскивали меня часов в шесть вечера, привезли в Смольный на машине, и Дмитрий Сергеевич согласился с моей кандидатурой, даже толком меня не зная. Вот так, в общем случайно, я оказался

первым заместителем председателя Ленинградского фонда культуры. Отношения у Дмитрия Сергеевича с Андреем Андреевичем были... они люди интеллигентные, грубо не ругались, но все равно... очень и очень настороженные. Дмитрий Сергеевич старался влиять на работу фонда в основном через меня. Вот так я и стал его знакомым, если хотите — проводником его идей и предложений.

Много чего мы с ним придумывали. Он умел слушать, задавал много вопросов, нигде не навязывая свое мнение, наоборот, размышляя вместе с тобой. Большинство дел удалось довести до конца лишь потому, что он их поддерживал. Взять хотя бы Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Второй этаж в Шереметьевском дворце пустовал. Ахматова была в то время еще не до конца реабилитирована. Мы устроили благотворительный концерт, пригласили Образцову, многих других известных артистов. И вот на сцену Большого зала Филармонии выходит Даниил Гранин и вносит предложение: направить все средства от этого концерта на создание музея Ахматовой. Кстати, Валентина Ивановна Матвиенко нас поддержала, она тогда была заместителем председателя горисполкома по культуре.

Потом пришла другая идея. Приезжал к нам некто Петр Braslavskiy, он из потомков семьи Бенуа, крупный архитектор. Ходили мы с ним и его братом гуляли по Питеру. И подумали: Бенуа же по всему миру разбежались, так не создать ли в нашем городе музей семьи Бенуа? Мы начали искать здание, нашли в Петродворце. Рядом с Большим дворцом два дома — Кавалерский и Фрейлинский, в ужасном состоянии; там, по-моему, общежития были. Полы проваливаются, все трубы ржавые. Мы остановились на Кавалерском доме. Высыпали всех, сделали полную реставрацию, а Braslavskiy стал спонсировать сотни произведений семьи Бенуа, которые смогли найти в разных странах. Собрали во Франции около 1200 произведений. Но надо же вывезти, а кто же это выпустит из страны? И снова Валентина Ивановна помогла: она договорилась с тогдашним послом Франции, и с его помощью мы все это вывезли. Практически контрабандой (**смеется**). На открытие музея съехались все Бенуа, кто еще остался в живых. Питер Устинов, оказалось, тоже из рода Бенуа, и он приехал.

Стр. 38.

* А. С. Запесоцкий, Д. С. Лихачев, Р. С. Милонов. Церемония вручения диплома и монеты Почетного доктора СПбГУ Д. С. Лихачеву. СПбГУ. 19.05.1993

Стр. 39.

* Д. С. Лихачев, председатель Петросовета А. Н. Белев, мэр Санкт-Петербурга А. С. Собчак. Вручение Д. С. Лихачеву диплома Почетного гражданина Санкт-Петербурга. Марииинский дворец. СПб. 30.05.1993. Фото из архива ЦАКФД СПб

И теперь есть такой музей в Петродворце среди фонтанов. Но получилось все потому, что Дмитрий Сергеевич благословил, всячески за этим смотрел и помогал.

Вокруг нашего Фонда культуры все время кружились ребята-неформалисты, и Андрею Андреевичу не удалось их отвадить, потому что Дмитрий Сергеевич стоял горой. К нему ходили, с ним советовались. Он дал добро на проведение митинга в защиту гостиницы «Англетер» – ее же хотели снести и выстроить заново, а там, в пятом номере, погиб Сергей Есенин. Они не только гостиницу защищали, но и церкви, и другие памятники, имеющие историческую или художественную ценность. Хотя среди этих неформалов и были совершеннейшие хулиганы, но было в них много искреннего и любопытного.

МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

– Но самая главная эпопея была связана с международным телемарафоном «Возрождение Петербурга». Такое можно сделать

один раз в жизни, два раза в жизни – уже помрешь.

В один из дней мая 1990 года утром, часов, наверное, в одиннадцать, включаю телевизор, а там идет благотворительный телемарафон Детского фонда, который вели Владимир Максимов и его жена Тамара. А мы же тоже фонд, и тоже благотворительный! И мне это очень покровилось. Звоню Дмитрию Сергеевичу и рассказываю, он говорит: «Приезжайте!». Пока ехал к нему, пришла идея проводить наш марафон не семь-восьмь часов, а целые сутки и на весь мир. Дмитрий Сергеевич сказал: «Поезжайте и пригласите этот марафон к нам в Ленинград! И хорошо бы это сделать в Рождество 1991 года». Я он был очень верующим человеком. Я – в самолет и в Москву, пока этот марафон Детского фонда не окончился. Директором марафона был некто Михаил Баскин – заместитель Андрея Петрова по Союзу композиторов. Да и Максимовы тоже здешние. В результате с их помощью в конце московского марафона удалось выступить и привлечь всех телезрителей на международный благотворительный марафон «За возрождение Петербурга-Ленинграда». Объявили об этом по телевизору на всю страну. Приехал домой... и мы скатились за головы: что де-

лать, как делать?.. Ведь это же надо стоять в эфире на весь мир. Надо найти столько программ, фирм, людей, которые бы отозвались! Мы с Дмитрием Сергеевичем поехали к Собчаку. Идею он одобрил и предложил: «Давайте создадим международный оргкомитет». Так и сделали. А генеральным директором этого хозяйства стал наш покорный слуга. Не было никаких претензий, ни одной копейки не пропало. Были собраны, в частности, деньги на реставрацию шпили Петропавловской крепости, исторических кладбищ города, развитие реставрационной мастерской Русского музея, возрождение Спасо-Преображенского монастыря на острове Валаам, Троицкого собора, Армянской церкви, других культовых сооружений; средства на оказание помощи детям-сиротам, инвалидам, блокадникам, построен первый хоспис, оказана помощь Зоопарку и многое-многое другое...

Начали мы в десять часов вечера 6 января, а закончили в десять часов вечера 7-го. Телевидение сняло для марафона 56 сюжетов. Они снимались не только в Петербурге, но и в разных городах и странах. А на сцене Мариинского театра, тогда еще Кировского, длился десятичасовой концерт, в котором приняли участие свыше полутора тысяч человек из девятнадцати стран мира. Было много звезд мировой величины – Катя Ричарелли, Дмитрий Хворостовский, Юрий Башмет, Юрий Темирканов, Валерий Гергиев... Тогда первый раз после ее побега в страну привезли балерину Наталью Макарову. В телемарафоне были заняты вся балетная труппа Кировского театра, шесть симфонических оркестров Ленинграда и Москвы... Кстати, режиссером концерта был Владимир Воробьев.

А из подарков, среди которых были ценные произведения искусства, мы устроили в ноябре 1991 года выставку в Этнографическом музее. Потом специальная комиссия решала, какому музею что передать.

Дмитрий Сергеевич весь марафон отсыпал, это целые сутки. Каждого дарителя, каждого артиста, каждого представителя религиозных конфессий приветствовал, со всеми поговорил, всех поблагодарил. А ведь он был уже тогда очень похожим человеком – легко ли провести сутки без сна!

ЛИХАЧЕВ И УНИВЕРСИТЕТ

– Как же вы и Дмитрий Сергеевич попали в Университет профсоюзов?

– Стукнуло мне шестьдесят в один день – че девятсот девяносто втором году. Стали меня туда завлекать, а я уже давно там не работал. Но друзья у меня остались, они-то Запесоцкому и посоветовали. И пошел я

первым проректором. Все пришлось начинать сначала. Я даже первый прием проводил – Запесоцкого в этот момент почему-то не было, он только подписал приказ о зачислении. Я снова стал преподавать там, был профессором. Но отношение к Университету в городе тогда было пренебрежительным – подумавши, какая-то Профсоюзная школа культуры! Родилась, среди прочих, идея: привлечь к Университету внимание выдающихся деятелей науки и культуры, установив ежегодное присуждение звания Почетный доктор. Тогда я и говорю: «Давайте начнем с Дмитрия Сергеевича Лихачева!». Поехал, предложил ему стать первым Почетным доктором Гуманитарного университета профсоюзов. Это было новое, незнакомое тогда дело, да и Университет тогда еще отнюдь не был учебным заведением с мировым именем, но он знал меня, я знал его, он нам поверил и согласился.

– Как проходила церемония?

– Предложение избрать Дмитрия Сергеевича Почетным доктором обсуждалось на Ученом совете Университета. Решили, конечно, единогласно, что непременно надо его избрать.

Сама церемония происходила в огромном зале Университета в присутствии студентов и преподавателей. Лихачев сделал доклад об истории культуры Петербурга, о проблемах гуманитарного образования, о значимости этого дела нынче. Потом мантию на него надели.

– А где взяли мантию?

– Мой секретарь Галина Федоровна, мастер на все руки, сшила эту мантию сама. По картинкам. Тут волноваться особо было не о чем – мантия-то не в талию, свободно висит, ошибиться трудно.

Дмитрий Сергеевич действительно выдающаяся личность, выдающийся гуманист и учёный. После него Почетными докторами стали Андрей Петров, Михаил Антикушин, Даниил Гранин... в общем, весь президиум Фонда культуры! Но Лихачев был первым, а остальные, наверное, думали – раз Лихачев согласился, значит, дело хорошее. А потом преподавать в Университет пришли известные в городе люди.

– Вы бывали дома у Дмитрия Сергеевича?

– Да, и дома, и на даче.

– Он был радушным хозяином?

– Да, он часто приглашал в гости. Надо обсудить какую-нибудь проблему – говорил: «Приезжайте ко мне!». И его супруга, Зинаида Александровна, на кухне куедесничала. Чай всегда пили с вареньем...

Беседовала Татьяна ЛЬВОВА

Стр. 40.

* Д. С. Лихачев, А. С. Запесоцкий.

Церемония вручения диплома и мантии Почетного доктора СПбГУМ музыканту М. Л. Растроповичу. СПбГУМ, 12.03.1998;

* академики РАН Д. С. Лихачев, Н. В. Карлов, Б. В. Раушенбах. Дискуссия «Судьба российской интеллигенции». Дворец Белосельских-Белозерских. 23.05.1996